Annotation

Наше прошлое и настоящее неразрывно связаны. Многие помнят фрагменты своей "прошлой жизни", но не каждому дано разгадать их тайный смысл. А что будет если память о прошлом вдруг вернется в полном объеме?

Андрей Ливадный NEBEL

Глава 1

– Ненавижу, когда движутся флаги...

Я повернул голову, с удивлением посмотрев на Лану.

Она сидела, напряженная, будто сжавшаяся в комок, готовая к внезапному неконтролируемому взрыву эмоций.

Я не ответил. Взгляд вернулся к дороге.

На фасаде здания сразу за светофором холодный зимний ветер полоскал Российский триколор. По обе стороны проезжей части рабочие, разбившись на две группы, подвешивали праздничную иллюминацию в виде длинной гирлянды разноцветных лампочек. Чуть дальше другая бригада крепила меж фонарными столбами протянутые над проспектом флажки.

Мельком взглянув на светофор, я отметил, что все еще горит красный. Уже наступили сумерки, снега в этом году выпало мало, и город выглядел мрачно. Тонкий трос с нанизанными на него флажками, больше похожими на вымпелы, начал рывками выбирать слабину. Видимо я засмотрелся, и сзади начали настойчиво сигналить машины.

Лана молчала.

Я медленно тронул машину с места, наплевав на назойливые гудки, и бьющие по зеркалам вспышки дальнего света фар. Кому надо – обгонит, проспект широкий. Нехорошо конечно, но в тот миг я сам почувствовал смутное, неосознанное беспокойство.

Что-то шевельнулось в груди. Словно мягко, но болезненно царапнул изнутри острый коготок.

Флаги. Вымпелы. Боевые штандарты...

Огни города внезапно расплылись перед глазами.

Всего на миг я увидел их – разноцветные заостренные книзу полотнища, трепещущие на ветру, движущиеся навстречу ровной нескончаемой линией, протянувшейся, как показалось от горизонта до горизонта...

Рывок был мгновенным. Мое сознание тут же вышвырнуло назад из непонятного пространства в реальность скользкой посыпанной песком городской улицы.

В салоне машины играла музыка.

Раммштайн. "Feuer Frei"

Я машинально придавил педаль газа. За те секунды, что длился морок, мы едва миновали перекресток, и я, взглянув в зеркало заднего вида, показал правый поворот, прижимаясь к тротуару.

– Что случилось Лана?

– Ничего. Сама не могу понять. – Сухо ответила она. – Эти флажки,

что поднимали над дорогой, как-то странно на меня подействовали. Извини, Андрюша, сейчас пройдет.

Я не стал настаивать. Сегодня мы много ездили по городу, оба устали. Сейчас вернемся домой, и все войдет в привычную колею. Так уже бывало не раз. Мы с Ланой разные по характеру, практически антиподы, но тем нее менее, мы вместе, вот уже двадцать лет, со школьной скамьи, и, на мой взгляд, вполне удачно дополняем друг друга.

* * *

Вечер собирался прокрасться незамеченным.

Именно *собирался*. Смутное беспокойство, как и царапнувшая изнутри боль неявных, секундных воспоминаний больше не возвращались.

...

Так думалось мне, но совсем иначе чувствовала себя Лана.

Боль в душе, что саднила уже не первую неделю, после внезапного инцидента с безобидными на первый взгляд флажками, стала вдруг резче, отчетливее.

Странные вещи порой вытворяет наше подсознание.

Она чувствовала распутье, но видела тех дорог, на перекрестке которых стоит ее душа.

Внутри копилась непомерная усталость от невысказанных чувств, – кому и как их поведать, если боль внутри не имеет никакой связи с реальностью?

Я схожу с ума...

Хотелось закричать, взорвать воем бубнящую тишину, так чтобы заткнулся на полуслове телевизор, дрогнули стекла в оконных рамах, лопнула, разлетаясь брызгами дешевого фарфора, тарелка в руках.

Нет.

Лана бессильно прикрыла глаза. Это становилось невыносимым.

Андрей за компьютером. Сын в свой комнате делает уроки. За окном густой холодный зимний вечер обволакивает ветви деревьев хрупким бархатом голубоватого инея.

Она стояла, прижавшись спиной к небольшой арке, отделанной под белый мрамор. Нужно готовить ужин. Только в голове метались совершенно иные мысли и желания, далекие от сиюминутных проблем приготовления ужина.

Перед закрытыми глазами на фоне плотно смеженных век, внезапно начала проступать незнакомая картина.

Низкие, хмурые облака. Под ними притихший в ночи, аккуратный

западноевропейский городок. Темный лес отделяет пустынные в этот час улицы от территории военной базы. Лана почувствовала, что уже когда-то видела это. Откуда в ней родилось знание, что городок маленький, а освещенные площадки перед приземистыми зданиями за высоким бетонным забором принадлежат именно военной базе, она не имела ни малейшего понятия, но главным, знаковым ощущением была все не эта уверенность, поясняющая размер поселения и предназначение сопутствующих ему объектов.

На окраине города, там, где бескрайнее заснеженное поле смыкалось с темной полоской леса, на небольшом холме стоял католический храм.

Ощущение бестелесного полета над заснеженным полем в первый момент вызвало ощущение тошноты, но это чувство быстро прошло: Лана уже утвердилась на узком скошенном отливе, перед огромным витражом, и тошнота мгновенно отступила, словно наличие скользкого, обледеневшего козырька "под ногами" имело какой-то практический смысл...

Чудилась тихая печальная, тревожная музыка. Низкий голос колокола вторил ей, отдаваясь в душе глухой непреходящей болью.

Взгляд помимо воли тянулся туда, – за прозрачный фрагмент огромного витража, в терпкое от запаха свечей тепло.

Священник стоял спиной к ней.

Лана не видела ни длинных рядов скамей для прихожан, ни дрожащих язычков пламени, что освещали небольшое пространство перед фигурой женщины с младенцем на руках.

Ее взгляд неотрывно следил за священником. С высоты она могла видеть лишь его затылок, ссутуленные плечи, да толстую цепь, на которой, по всем канонам, должен висеть крест.

Сзади, за ее спиной, над лесом и городом, вдруг начал пониматься плотный туман.

Священник что-то читал, низко склонив голову, чтобы разобрать готический шрифт толстого древнего фолианта.

Внезапно цепь на его шее шевельнулась.

Крест, который скрывала темнота, видимо был тяжел, раз сумел привести в движение свою массивную подвеску.

Лана плотнее прижалась к цветному стеклу.

Ее душа рвалась внутрь, раня себя о несуществующие осколки цветных стекол, и чем острее, резче, больнее проявлялось это стремление, в котором смешались непонятная надежда и столь же непонятная скорбь, тем сильнее, зримее становились движение цепи, словно висевший на ней крест внезапно превратился в маятник Фуко, черпающий силы из

напряженности магнитного поля Земли...

Только священник, казалось, не замечает происходящего.

Туман за ее спиной поднимался все выше. Деревья уже тонули в нем, завитки эфемерного кружева касались ветвей, обтекали их, длинными языками тянулись к взгорку, превращая огни города и военной базы в смутные пятнышки света.

Крест раскачивался все сильнее, с каждым разом увеличивая амплитуду колебаний, и, наконец, Лана увидела его.

Взрыв...

Брызжущие искры света, безумный хаос туманных образов, рвущихся из подсознания, набат, который моментально глох в молочной пелене, оставляя звучать лишь редкие удары сердца.

Крест.

Он раскачивался все сильнее, будто рвался к ней, изо всех сил стремясь порвать удерживающую его цепь.

Строгий, без вычурных украшений, лишенный камней и позолоты, необычайно массивный, казалось, что он сейчас оторвет священнику голову в своем безудержном порыве...

Первой не выдержала цепь.

Туман уже облизывал стены храма, грозя затопить все сущее.

Тусклый свет лился сквозь витраж.

Цепь порвалась абсолютно беззвучно, мягко соскользнула с плеч поглощенного чтением молитвы священника, и вдруг...

Крест рванулся вверх, к покрытому замысловатыми узорами изморози витражу, за которым притаилась Лана.

Медленно поворачиваясь в воздухе, он задрожал, на секунду превратился в сгусток тумана и материализовался вновь, на глазах меняя очертания.

Лана, в немом оцепенении наблюдавшая за метаморфозами креста, отчетливо видела, как с него будто окалина отлетают фрагменты оболочки, обнажая четыре лезвия кинжальной заточки, тускло сверкнувшие в неверном свете свечей.

Туман, поднимаясь все выше, коснулся ее ног.

Уже не было видно ни города, ни окрестностей, она сама стала частью этой эфемерной субстанции, просачиваясь сквозь витраж, навстречу видоизменившемуся кресту, вращающемуся в полете.

Лана непроизвольно протянула руку навстречу остро отточенным лезвиям, ощущая, что она уже внутри, на головокружительной высоте, под самыми сводами храма.

В этот миг с ледяным звоном брызнули осколки разбитого витража, крест, сверкнув глубокими кровостоками, на миг канул в туман, слился с ним, и... секундой позже вернулся, замедлив свой полет.

Лана внутренне сжалась, похолодела, но не от какого-то дурного предчувствия, а скорее от запредельного напряжения событий.

Крест-нож.

Обрывок цепи коснулся ее запястья, захлестнул его, подарив ощущения веса, и крест, сияя кинжальной заточкой лезвий, спокойно повис на правой руке, медленно раскачиваясь из стороны в сторону.

...

Вздрогнув всем телом Лана, открыла глаза.

Взгляд затуманивали слезы. Обстановка столовой двоилась, не желая обретать резкость. Правая рука была согнута в локте, на запястье, казалось, ощущается вес цепи и креста.

Лана медленно повернула голову, заставив себя посмотреть на руку.

Креста не было.

Конечно, рука устала, – сколько она удерживала на весу блюдо из дешевого китайского фарфора?

От резкой смены ощущений, в ушах стоял звон.

Сердце глухо ломилось в грудную клетку, словно обезумев от желания вырваться наружу.

Волна горечи плескалась в сознании, требовала немедленного, сиюсекундного выхода, мышцы дрожали от переизбытка адреналина в крови.

Украшенное незатейливым растительным орнаментом блюдо с резким звенящим хлопком ударило в стену, разлетаясь жалобной дрожью осколков.

Выйдя из-за барной стойки, Лана еще секунду помедлила, а затем решительно поднялась на второй этаж, где Андрей уже вскочил из-за компьютера, обеспокоенный звуком разлетевшегося вдребезги столового прибора.

– Что случилось, милая?

– Ничего. – Лана старалась овладеть собой, но получалось из рук вон плохо. – Нам нужно поговорить. – Она присела на край дивана, перед которым стоял стол с компьютером.

Андрей отодвинул в сторону клавиатуру, прикурил сигарету.

Лана не знала с чего начать. В принципе Андрей не противился ее внезапному увлечению изотерикой, но, будучи материалистом, не имел способности воспринимать на веру то, в чем не мог убедиться на личном опыте. Впрочем, сейчас она не собиралась пересказывать суть только что

произошедшего. Еще поднимаясь наверх, она уже знала, о чем хочет поговорить.

– Что за шум был в столовой?

– Так, уронила тарелку. Мне нужна твоя помощь.

Андрей глубоко затянулся, внимательно посмотрел на бледное лицо Ланы и уточнил:

– В чем конкретно?

– Мне нужен крест.

– В смысле?

– Крест. – Повторила Лана. – Необычный. В церкви такого не купишь. – Она поискала взглядом лист бумаги, взяла ручку и стала быстрыми движениями делать схематичный набросок.

Андрей, посмотрев на рисунок, нахмурился.

Да, – мысленно согласился он с последним утверждением Ланы. Такого не купишь ни в церкви, ни в оружейном магазине. Перед ним было изображение креста, имевшего четыре обоюдоострых лезвия. Два боковых чуть короче, чем центральное, далее тонкая незатейливая рукоятка, как раз по ширине ладони, оканчивающаяся четвертым лезвием, напоминающим остро отточенный наконечник копья.

Сказать, что рисунок был странным – означало не сказать ничего.

...

Что удивительно – я не противился.

Рисунок лежал передо мной, взгляд постоянно возвращался к нему, и не хотелось задавать лишних вопросов. Я видел состояние Ланы, и понимал: начать сейчас расспрашивать, – с чего это вдруг ей понадобился столь необычный и опасный, на мой взгляд, крест... – было неправильно. Я действительно мог изготовить подобную вещь. В свое время пришлось поработать инструментальщиком, и уверен, руки не забыли навыков. Разглядывая рисунок, я сам не заметил, как начал мысленно прикидывать практическую сторону вопроса. Что потребуется? Естественно хорошая сталь, которую после обработки следовало закалить, иначе грош цена этим лезвиям. Сама конструкция не вызвала у меня долгих размышлений. Все четыре лезвия не должны изготавливаться по отдельности, – изделие предполагало монолитность. Значит нужно найти достаточную по размерам пластину четырех– пятимиллиметровой стали, из которой необходимо сначала вырезать крест, а уж затем придать его элементам форму лезвий.

В принципе работа не сложная, хотя и трудоемкая. В распоряжении не было ни фрезерного, ни заточного станка, значит, все придется делать

вручную, при помощи тисков, ножовки по металлу и набора напильников.

Я вновь посмотрел на Лану. Она сидела бледная, напряженная, встревоженная.

– Успокойся, милая. Нужно – значит сделаем. – С моей стороны это не являлось позицией конформизма. Конечно, я не мог полагать к каким последствиям для нас обоих приведет эта внезапно высказанная просьба, но идея внезапно захватила меня. Есть такая черта в мужском характере. Не знаю, к какой стороне – сильной или слабой ее следует отнести, но иногда у меня возникает внезапная, настойчивая потребность в самореализации. Не стану утверждать, что годы, проведенные на инструментальном производстве одного из промышленных предприятий города, являлись лучшими в моей жизни, скорее наоборот, но сейчас задача показалась мне творческой, – столь необычная конструкция ножа не могла придти в голову никому кроме Ланы. И для меня вдруг стало абсолютно неважно, откуда в ее мыслях возник этот эскиз...

– Завтра. – Подытожил я свои мысли, окончательно согласившись с ее желанием. – Съездим на завод, я поговорю с мужиками. Думаю, у них найдется нужная заготовка.

– А если нет?

Я пожал плечами.

– Тогда на металобазу. Там уж точно отыщется подходящая пластина.

– Завтра мы собирались съездить в деревню. – Напомнила Лана.

– Вот и совместим. Все будет хорошо, милая.

Похоже, она успокоилась.

Ни я, ни Лана, наверное, не полагали в тот вечер, что он станет некой точкой отсчета нового времени.

Пока не полагали.

Глава 2

Утром мы сначала съездили в деревню.

Проведав стариков, возвращались в город по дороге вьющейся меж заснеженными полями.

В салоне машины тепло, приятно под тихий шепот двигателя наблюдать за зимними пейзажами, когда между тобой и трескучим морозом лежит прослойка цивилизации.

Приближался поворот.

Начиная притормаживать, я посмотрел направо, и вдруг заметил, что Лана сидит будто окаменев, с уже знакомым выражением лица: черты заострились, щеки побледнели, а взгляд полуприкрытых глаз как будто направлен внутрь себя самой.

Трудно объяснить, почему я в тот момент обратил внимание на музыку.

В последнее время мы слушали немецкую группу "Раммштайн", хотя манера и ритмика их исполнения резко отличалась от любимых еще с юности групп так называемой "новой волны".

Композиция, которая играла в данный момент, называлась "Nebel", что в переводе с немецкого, если мне не изменила память школьных лет, означало – "туман".

Не понимая сути происходящего, я предпочел прижаться к обочине.

Заметив мои действия Лана, не прерывая транса, сделал знак рукой: все в порядке, подожди.

И в этот миг я увидел его.

...

Бескрайнее заснеженное поле граничило с темной полоской леса.

Оттуда, из-под сени хвойных деревьев толчками выдавливало густой, молочно-белый туман.

На небольшом взгорке, у распахнутых сводчатых дверей католического храма, рухнув на колени, неподвижно застыл священник.

С его шеи на белый снег капала алая кровь.

В воздухе над ослепительно-белой равниной навстречу Лане, медленно вращаясь, летел крест-нож, увлекая за собой массивную цепь, которая чертила в морозном воздухе гудящую на низких нотах окружность.

Последние аккорды композиции "Nebel" совпали с тем как крест, сверкая своими смертельно опасными гранями, вдруг потерял резкость контура, затуманился, и в следующий миг уже висел, медленно покачиваясь на запястье согнутой в локте правой руке Ланы.

Музыка стихла, и в салоне машины наступила оглушительная тишина.

Прошло не меньше минуты, прежде чем Лана открыла глаза и вдруг с

безмерной усталостью в голосе произнесла:

– Теперь он со мной.

Я не стал спрашивать – кто?

Слова на какое-то время утратили смысл. Хотя, что там слова, – сама жизненная позиция в ту минуту дала первую, едва заметную трещинку.

Мое неверие пошатнулось.

Я видел его – крест-нож, который мне еще только *предстояло* сделать.

И я знал его имя.

* * *

Домой мы вернулись во второй половине дня.

На улице уже сгущались зимние сумерки.

Лана держала обернутую куском ткани металлическую пластину толщиной в пять миллиметров. Сталь 65G. В просторечье ее именуют "пружинной". Идеальный вариант для изготовления задуманного. В сыром виде легко обрабатывается обыкновенным напильником, но после термообработки обретает высокую прочность в сочетании с некоторой пластичностью.

Я нес полиэтиленовый пакет с купленными в магазине напильниками, двумя наборами надфилей и абразивными брусками.

Ножовка по металлу, дрель, тиски – все было дома.

В квартире шел затянувшийся ремонт, а если говорить вернее – перепланировка. Поднявшись на второй этаж, я сложил инструмент на бетонированный пол будущего зимнего сада. Рядом выступал мощный фундамент камина. Чуть поодаль в качестве временной меры возвышался круглый раздвижной стол, на котором стоял компьютер. Завершал обстановку помещения диван и сложенные вдоль стены отрезки арматуры, вперемешку с металлическим уголком.

Пока Лана готовила ужин, я занимался обустройством рабочего места. Верстака естественно дома не было, но выход из положения нашелся легко: взяв старую чугунную батарею, я обложил ее гранитными валунами, предназначенными для отделки зимнего сада, поперек положил полутораметровый обрезок массивного швеллера, оставшегося после изготовления перекрытия. Один конец металлической балки я положил на готовую кладку, второй лег в углубление между звеньями чугунной батареи, на него я закрепил тиски и опробовал конструкцию на прочность.

Получилось вполне приемлемо. Если особо не усердствовать, то выдержит.

За ужином мы разговаривали на отвлеченные темы, не касаясь

необычного дневного происшествия, и моих очевидных приготовлений.

Я уже примирился с мыслью, что внезапное видение является плодом моей богатой фантазии. Лана со всей очевидностью была убеждена в обратном, и потому мы избегали откровенного разговора, понимая, во что может вылиться радикальное несовпадение взглядов.

Поужинав, я забрал кофе и ушел наверх.

Прежде чем приступать к первому этапу работы, я включил компьютер, вставил в CD-привод диск с "Раммштайном", нашел композицию "Nebel" и запустил непрерывное воспроизведение.

Тихая, чуть печальная, и одновременно будоражащая воображение музыка зазвучала в унисон мыслям.

Кофе так и остался остывать на столе, я взял инструмент и начал размечать заготовку.

Время постепенно теряло смысл. Никогда я не работал с таким упоением, не понимая, что за сила завладела моим сознанием. Нет, я не ощущал себя марионеткой, внезапно подпавшей под власть чуждой воли, наоборот, я чувствовал сравнимый с вдохновением душевный подъем.

Закончив разметку, я зажал заготовку в тиски и, спустя минуту, в помещении раздался характерный визг ножовки по металлу.

Сталь поддавалась легко, пропил шел ровно, никто не подгонял меня, не ограничивал во времени, благо мы живем в доме, построенном еще до революции, – стены из красного кирпича толщиной в семьдесят сантиметров прекрасно глушат звук, так что я мог продолжать свое занятие хоть до самого утра.

Так оно собственно и вышло.

Не помню сколько часов потребовалось на выпиливание грубой заготовки. Несколько раз я менял полотна, время застыло, словно мое сознание погрузилось в густой сироп, подспудно ожидая каких-то событий.

В руках ощущалась усталость, но я подсознательно понимал, что не остановлюсь, пока не увижу крест.

Наконец, уже за полночь, соединив два последних пропила, я поймал в ладонь нагревшийся прямоугольный обрезок металла и, взглянув на тиски, понял – в них зажат *крест*.

Некоторое время я смотрел на него, разминая сигарету в испачканных металлической пылью пальцах.

Получилось.

Мысль пришла спокойная, удовлетворенная, в те минуты я не вспоминал о странном дневном видении, просто был доволен результатом проделанной работы.

Докурив, я понял: не смотря на поздний час, спать мне совершенно не хочется.

Что ж, пожалуй, можно сделать окончательную разметку, и спилить под углом оконечности крестообразной заготовки, придав им заостренный вид будущих лезвий.

Погасив сигарету, я вновь взял в руки штангенциркуль, собираясь размечать скосы.

В эту минуту в очередной раз зазвучала повторяющаяся раз за разом композиция. Я освободил заготовку из тисков, ощущая, как нагревшийся металл отдает моей ладони накопленное тепло. Словно в руках притаилось живое существо, с которым я уже успел сродниться.

Приятное, необычное чувство.

Мы любим одухотворять вещи, поэтому в первый момент, услышав в своем рассудке голос, я не вздрогнул, не смутился, лишь удивился странной игре воображения, пока вдруг с необычайной отчетливостью не осознал: мысль хоть и созвучна ситуации, но не может принадлежать мне.

Прошу, оставь меня крестом.

Легкий озноб коснулся затылка, пробежал мурашками вдоль спины.

Почему? – Машинально спросил я, полагая, что разговариваю с собственным сознанием.

Смерть.– Лаконично пояснил голос. – Я достаточно убивал.

Нет. – Строго ответил я, поражаясь двойственности внезапно возникшей ситуации, и все же продолжил мысленный диалог: – Ты должен понимать, что форма клинков не меняет твоей сущности. Ты не убьешь, если не пожелаешь чьей-либо смерти. В этом твоя сила. Главное не форма, а ее содержание.

Да я знаю. Ты то же перед боем вонзал в землю меч, и обращался с молитвой к Создателю, глядя на рукоять в форме креста.

Меня прошиб холодный пот.

Бремя воина. Откуда мне так хорошо знаком потаенный смысл этого сочетания слов?!

Я смотрел на крест, удобно лежащий в ладони, и продолжал ощущать его тепло.

Нет. Это откровенный бред. Я не могу разговаривать с только что выпиленной металлической заготовкой.

Голос в моем рассудке смолк.

Либо он испугался моей реакции, либо я действительно говорил с собственным воображением.

Последнее показалось мне предпочтительнее, иначе следовало

признать, что пора обращаться к психиатру.

Аккуратно зажав заготовку в тиски, я выключил компьютер, погасил свет и ушел спать. В первый и последний раз в ту ночь мне удалось бежать от самого себя, наглухо отгородившись полным неверием, от внезапных, ранящих мыслей и ощущений.

* * *

Утром я встал поздно, не выспавшимся, совершенно сбитым с толку. Весь остаток ночи мне снились странные образы, не имеющие, на первый взгляд, ни единой точки соприкосновения с реальностью.

Мне очень хотелось спросить у Ланы, что означала ее вчерашняя фраза: *Теперь он со мной*. Однако я удержался от вопроса, чувствуя скептический настрой собственного сознания.

Собственно оставался один путь – наверх, к кресту, но, поднявшись на второй этаж, я лишь мельком взглянул на зажатую в тисках заготовку и сел за компьютер.

Почему именно Раммштайн?

Раньше я не задавался подобным вопросом, хотя, по логике вещей, следовало его задать. Слишком резко все произошло. Столько лет отдавать предпочтение Цою, Бутусову, Гребенщикову, и вдруг: незнакомая до недавней поры немецкая группа, о которой мне не известно ровным счетом ничего.

Соединившись с Internet, я вошел в поисковую систему Rambler, задал ключевые слова для поиска и коснулся клавиши ввода.

К моему удивлению информации оказалось в избытке. Однако, по мере чтения биографии группы, меня постепенно охватывало разочарование. Не за что зацепиться.

Наткнувшись на тексты песен (на немецком языке, естественно) я скопировал их и перешел на страницу он-лайн переводчика.

Нет, к своему разочарованию я не нашел в текстах песен никаких явных аналогий со странными видениями последних суток. *Скорее всего, музыка просто совпадение.* – Подумалось мне. Конечно, слушая мелодию, без понимания слов, легко представить себе любую картинку, – это вопрос работы воображения. Например, вступление композиции «Nebel» гармонично сочеталось с моим представлением о плавном полете над заснеженным полем. Однако перевод песни убедительно показал, что в тексте нет даже намека на крест, храм, лишь упоминание тумана совпадало с моим вчерашним видением...

В конце концов, я разозлился сам на себя. Вечно ищу проблемы там,

где их нет. Слышаться голоса? Ну и что? С раннего детства я мысленно спорю сам с собой, обдумывая ту или иную житейскую задачу. Почему тогда вчера ночью я вдруг приписал возникший в моем рассудке голос неодушевленной металлической заготовке? Только оттого, что крест был теплым, казался живым?

С такими мыслями я включил свет над импровизированным верстаком.

Глава 3

Два часа спустя я закончил грубую обработку: убрал весь лишний металл, придал оконечностям креста заостренную форму лезвий, сделал двустороннюю выборку в той части, где предполагалась рукоятка, оставив за ней короткое двухсантиметровое лезвие, действительно похожее на наконечник копья.

Теперь наступал самый долгий и ответственный этап: при помощи напильника я должен придать лезвиям правильный угол заточки, начиная от размеченных кровостоков, и заканчивая рабочей режущей частью.

Здесь главное твердость руки и спокойствие. "Завалить плоскость" можно двумя-тремя неверными движениями, а вот исправить ошибку будет во сто крат сложнее.

Никто более не пытался заговорить со мной, я не ощущал стороннего давления на разум и постепенно забылся, втягиваясь в ритм движений.

Напильник слегка вибрировал в руках, снимая один за другим тонкие слои металла. Мысли текли плавно, взгляд не сосредотачивался на деталях, пока мои усилия не обозначили явные скосы кинжальной заточки центрального лезвия.

Срыв произошел внезапно.

Нет, у меня не дрогнула рука, не изменился ритм достаточно монотонных, утомительных движений, но лезвие перед глазами вдруг начало терять черты, расплываться, словно все окутала чернота, а на шероховатой поверхности металла отразились огни беснующегося пожарища.

Мое сознание неодолимо потянуло в темный водоворот...

...

Это была страшная ночь.

Ментальное рождение и физическая смерть неразрывно переплетались меж собой, даруя способность осознавать мир, и тут же покрывая пеплом любое чаяние.

Город пылал.

Нападение произошло за глухую полночь, когда не спит только нечисть.

Двое распахнутых ворот – в нижнем кольце стен, и в барбакане верхнего укрепления – немо кричали о предательстве, щерясь в огонь пожарищ пустыми провалами отомкнутых створов.

Враг был повсюду.

Хранитель, отягченный кровью, то взмывал вверх к серым равнодушным небесам, то стремительно снижался, плутая меж черными, плюющими искрами столбами дыма.

Воины пали, и теперь темные приливные волны, продолжавшие накатываться на город со всех сторон, будто гонимые злой вездесущей силой, практически не встречали сопротивления. Неистовая злоба металась по кривым улочкам меж пылающих домов, смерть уже пресытилась, ее рвало кровью на истоптанный в кашу, покрытый хлопьями сажи снег, но чернота продолжала наступать, алчность и ненависть уже переродились, захмелели, еще раз сошли с ума от безнаказанности легких убийств.

Предательство.

Высокие зубчатые стены, полуодетые павшие воины, распахнутые ворота.

Он несся над прогорклой землей, выкрикивая единственное имя, но не слышал иного ответа, кроме треска пожарищ, звериных рыков похоти, и отчаянных предсмертных стонов.

Хранитель не ведал страха, но самосознание, родившееся этой ночью, в полной мере вкусило иной рок: он ощущал безысходность.

Хозяйка исчезла. Он не чувствовал ее тепла в ледяной бездне своего полета.

Если бы она сразу вдохнула в него настоящую жизнь... Он помнил ласковый жар кузницы, ритмичные удары молота, тихие голоса, взгляд покрасневших глаз в обрамлении глубоких морщин. Его выковали, закалили, опробовали на прочность, ошлифовали до зеркального блеска, а затем тщательного сокрыли смертельные лезвия в ножны, повторяющие форму креста.

Хозяйка носила его на груди, ласково называя "хранителем".

Он с благодарностью впитывал ее тепло, и постепенно, на протяжении многих лет по капле собирал энергию жизни. Ее аура постепенно меняла структуру стали, пока Хранитель не начал смутно воспринимать окружающий мир. Не сам, конечно. Энергия Хозяйки, воплощенная в мыслях, резонировала в нем, пробуждая отклик.

Она обладала великой силой.

Юная, прекрасная, владеющая древним знанием, она отдавала предпочтение своему дару, развивая, совершенствуя его, не желая замечать взглядов мужчин, подчиняясь лишь позывам собственной души.

Не в этом ли крылся один из истоков страшной ночи?

Любовь и ненависть ходят, как известно рука об руку.

Среди тех, кто боготворил Хозяйку, Хранитель ощущал людей, источающих эманации вязкой тьмы, но сейчас ее источники исчезли, растворились в прогорклом мраке, оставив взамен вязкую патоку полуживотных мыслей, затопивших пылающий город.

Он запомнил каждого из них в лицо, и сейчас изнывая от горя, жалел лишь об одном: почему его окончательное пробуждение не наступило раньше, почему только сейчас пришла способность оторваться от грешной земли, и лететь, вращаясь в потоках диких необузданных энергий, ощущая как дрожит воздух...

...

Напильник сорвался.

Я сидел совершенно потеряв ощущение реальности, не чувствуя крови, что вступила из ссадины и капала на пол.

Наконец, очнувшись, я посмотрел на руку, машинально отер кровь лежавшей рядом тряпкой, и, закурив, в глубокой задумчивости перевел взгляд на Nebel.

Да именно в тот миг я мысленно назвал его по имени.

Некоторое время я сидел, не чувствуя вкуса сигареты, и думал, решая дилемму: что произошло минуту назад с моим сознанием? Оно действительно побывало *там* или я все же тешу себя иллюзиями, вкушая плоды собственной фантазии?

Сложный вопрос.

С одной стороны признать, что твой разум способен проникать в иной темпоральный поток, означало весьма сомнительное, вольное допущение, противоречащее всем жизненным принципам.

С другой стороны для обыкновенной фантазии мои ощущения были слишком реальны. Раньше такого не случалось.

Что мне делать? Спуститься вниз, поговорить с Ланой? Не преждевременно ли? При здравом размышлении, что я смогу рассказать?

Мои пальцы машинально смяли сигарету, и я вновь взял в руки напильник.

Не помню, сколько прошло времени, но ничего не повторялось. Я работал как одержимый, хотя руки уже ломило от усталости.

Перевернув заготовку, я едва успел наметить нужный скос и почувствовать плоскость, как внезапно сознание вновь ухнуло в темную бездну...

...

Его разбудил гулкий, вибрирующий набат.

Огромный колокол звучал не умолкая, тревожный рокот заставлял тонко дребезжать стекла, он был везде, в нем бушевала холодная ярость металла, и каждая частичка Хранителя откликнулась на голос, напитываясь зловещей силой непоправимой беды.

Много лет он воспринимал энергию жизни, а сейчас тревожный набат

нес обжигающий холод смертельного рока.

Хозяйки не было. Она исчезла.

Он лежал на полу, и обрывок цепи пластался рядом.

Ножны были сорваны, но лезвия Хранителя так и не окропила кровь врага.

Набат не смолкал.

Лезвия вибрировали от низкого звука, и Хранитель внезапно начал приподниматься над полом. Обрывок цепи выскользнул из изящного крепления, словно силы земные окончательно отпустили его.

Он ощущал собственный вес и в то же время был легок, как порыв ветра.

Первый поворот вокруг оси.

Четыре лезвия сверкнули, поймав отблеск огарка свечи, и в этот миг со всех сторон нахлынуло необузданное сонмище энергий.

Он задрожал.

Агония плескалась вокруг, отлетая к небесам бледными сполохами душ, а по земле ползла, вливаясь в кривые улочки города вязкая, удушливая смерть, бессмысленная и жестокая, озверевшая от крови, не встречающая достойного отпора.

Хранитель будто обезумел, почувствовав непоправимость случившегося.

Его лезвия дрожали от напряжения, каждый сполох отлетающих душ воинов, – тех, кто пытались оказать разрозненное сопротивление ворвавшимся в город ордам, вливал в него все новые и новые силы, пока дрожь клинков не трансформировалась в действие: он рванулся навстречу огню пожарищ, рассыпая за собой хрустальный перезвон выбитого витража...

...

Я встал, не в силах справиться с охватившим меня волнением.

Отойдя от импровизированного слесарного станка, присел подле компьютера, вновь машинально прикурив сигарету.

Рядом на столе уже лежали две пустых пачки. Во рту ощущалась горечь.

Нет, это следовало понять, либо, на худой конец, пережить. Нельзя останавливаться на пол пути. Возможно, в конце меня ждет, наконец, объяснение?

Испачканный въедливой металлической пылью палец коснулся клавиши компьютерной мыши, запуская знакомую композицию Раммштайна.

Здесь должна быть связь.

И вообще что мы знаем о собственном сознании? Возможно, оно хранит много больше, чем мы привыкли отмерять объемами осознанной памяти? В таком случае ему необходим ключ, отпирающий ту самую "темную комнату"?

Посмотрим. – С этой мыслью под тихое, но тревожное музыкальное вступление я направился к кругу света, падающего от лампы на мой импровизированный верстак.

...

Выбив стекло, он оказался высоко над городом.

Хранитель не выбирал направления, – неодолимая сила влекла его на звук набата.

Панораму окрестностей застилал дым, хмурая ночь без звезд озарялась сполохами пламени, надрывный гул колокола заставлял вибрировать воздух, наполняя его упругими волнами ярости, но, приближаясь к храму, Хранитель все острее чувствовал: зло уже свершилось и некому подхватить призыв о яростном мщении...

Подле колокольни на белом, не оскверненном чужими следами снегу, лицом вниз лежал звонарь.

Его душа уже отлетела ввысь, из-под серого мешковатого балахона сочилась кровь, из спины торчали два оперенных обломка стрел.

Кто же тогда там, наверху?

Хранитель взмыл к небесам.

На деревянном помосте, ухватившись за веревку большого колокола, стояла Клементина, кормилица Хозяйки. Ее ноги были босы, седые волосы развевались на ветру, глаза источали безумие, но руки продолжали тянуть за канат, раскачивая тяжелый язык басовитого гиганта.

Энергия.

Хранитель ощущал ее – темную и вязкую там, где смерть разлилась по улицам, чистую, сильную, тревожную – исходящую от колокола, и еще – переворачиваясь в воздухе, он вдруг увидел сполохи ослепительного сияния, уловить которое не мог обычный смертный – то отлетали чистые души невинных жертв кровавого безумия...

Стремительно снижаясь, он устремился к пылающим кварталам, где сквозь клубы дыма, разрывая тяжкий саван тьмы, в нескольких местах вспыхивали и гасли короткие ослепительные зарницы, – то добрая, честная сталь разила врагов.

И нигде, сколько не зови, не ощущалось теплой янтарной ауры Хозяйки.

Обезумев от горя, он желал лишь одного – выплеснуть обретенную силу в лицо врагу.

...

Я закончил центральный клинок.

За окном снова начало темнеть.

Короткие видения, в чем-то новые, а в чем-то повторявшие друг друга, приходили внезапно, и так же неожиданно отпускали разум, словно я слой за слоем снимал забвение, очищая прах времен с далеких событий, придумать которые попросту не мог.

Значит, я должен поверить в то, что грезиться? А вместе с этой верой допустить, что в мире существуют иные силы, отличные от явлений природы, законов физики, и других аксиом бытия?

И что мне в таком случае делать с устоявшимся мировоззрением? Признаться, что тридцать лет жил полуслепым?

Не выдержав, я все же прервал свой труд и спустился к Лане.

Она почувствовала мое состояние, но не задала вопроса; молча сделав кофе, села напротив и заглянула в глаза.

– Скажи, почему ты решила изучать эзотерику? – Задал я прямой, недвусмысленный вопрос.

Некоторое время она молчала.

– Ты же знаешь, Андрюша, я всю жизнь пытаюсь найти себя. – Наконец произнесла Лана. – Много чего испробовала, но все не то. Мне кажется, я что-то потеряла, и это не дает покоя.

Я кивнул, принимая объяснение.

Да, Лана действительно быстро увлекалась, но и быстро остывала в своих начинаниях, стоило только преодолеть первоначальные трудности и достичь конкретных вершин. Неважно, каков был род ее занятия, она действовала так, словно раз за разом доказывала себе – *я могу*, но как только доказательства становились явными, она тут же теряла интерес к достигнутому.

Стоило взглянуть на ее картины, чтобы понять, – талант несомненный, но и они не стали главным делом жизни.

– Скажи, милая, у вещей может быть душа? – Осторожно задал я новый вопрос.

Лана насторожилась.

– Что-то случилось?

Я не знал что ответить. Просто смотрел на нее, не желая кривить душой.

– Разве книги по эзотерике, которые ты читаешь, не дают ответа на

мой вопрос?

Она усмехнулась, и я понял: все не так просто. Истина порой неуловима, она скрыта от нас, то наслоениями времен, то нашим собственным невежеством, то самоуверенностью, не дающей открыть глаза и взглянуть на мир под другим углом.

Мы держимся, каждый за свой устой, страшась отпустить его, не желая терять почвы под ногами, и часто оказывается, что это не твердая жизненная позиция, а всего лишь узкий, удобный, но *субъективный* взгляд на мир, обеспечивающий внутренний комфорт существования, без отражения истины.

– В книгах пишут многое. – Нарушил мои мысли голос Ланы. – Я еще только в самом начале, ты же знаешь. Но думаю, у предметов, особенно у тех, к которым есть особое отношение людей, не одно, а два тела. Физическое, – то, которое мы непосредственно воспринимаем, и энергетическое. Увидеть его дано немногим.

Я не стал оспаривать это утверждение.

Глава 4

В очередной раз поднявшись наверх, я принялся при помощи дрели выбирать кровостоки на лезвиях.

Грубая работа была окончена, три клинка и тонкая металлическая рукоять, с наконечником, смыкаясь друг с другом, образовывали прямоугольник.

Глядя на эту небольшую площадку, от которой уже уходило углубление первого кровостока, я внезапно ощутил неодолимый внутренний порыв.

Отложив в сторону дрель, я взял в руки молоток и миниатюрный штихель.

Там, где три лезвия сходились с рукояткой, должно быть начертано имя.

Легкие удары молотка выбивали частички металла, снимая тонкую стружку.

Nebel – вот слово, что буква за буквой, выходило из под острого жала штихеля.

Теперь я осознанно ждал, когда он заговорит со мной.

И он заговорил.

Заговорил так, как умел, – тревожа рассудок смутными, порой нечеткими картинами *прошлого.*

...

Сполохи света приближались.

Рассекая воздух остро отточенными лезвиями, Хранитель то терял материальность, то вновь обретал ее.

Он не управлял метаморфозами. Жуткая энергетика *бойни* продолжала вливаться в него, и закаленная сталь не выдерживала, она как будто таяла, на миг превращаясь в туманный, ослепительный росчерк, потом снова возвращался вес, и он начинал вращаться, содрогаясь от свистящего воя собственных лезвий.

Хранитель перерождался.

Его Хозяйка, юная Госпожа сама не догадываясь о том, наделила Хранителя способностью воспринимать факт собственного существования, но долгое время его *эго* являлось лишь частицей ее собственного самосознания: он смотрел на мир ее глазами, оценивал события ее мыслями, жил ее чувствами и помыслами...

В эту жуткую ночь, оставшись в одиночестве, он неистово звал ее, не понимая, что этим порывом притягивает к себе беснующиеся вокруг разнородные энергии. Он уже не являлся ни частицей ауры Госпожи, ни простым изделием из стали, – сначала Хранитель уподобился пушинке,

которой играют воздушные потоки, но стремительные трансформации продолжались, и вихрь энергий, способный изменять структуру *материи*, внезапноподчинился его собственному неистовому порыву, став неотъемлемой частью новорожденной *сущности*.

Не разбираясь в хитросплетениях происходящих с ним метаморфоз, Хранитель воспринимал лишь данность. Как говорила Госпожа: *На все есть воля Создателя*, а пути Господни, как известно, неисповедимы.

Он просто был.

Одинокий, отчаявшийся, заблудившийся в дыму пожарищ и собственном горе.

...

Холодный яростный свет.

Он бил, словно разряды молний.

Хранитель нырнул под черный саван дыма, пронесся над обугленными стропилами провалившейся внутрь дома крыши, со свистом развернулся и, наконец, увидел ЕГО.

Это был Самуэль, старший брат юной Госпожи.

Обагренный кровью испятнанный сажей снег превратился в кашу под его ногами. Гнедой конь, принявший на себя десяток предназначенных хозяину стрел неподвижно лежал в талой луже, лишь его огромные, полные боли глаза продолжали жить...

Самуэль был могучим воином. Могучим и благородным.

Хранитель еще не забыл, как недавно в их замке появились три рыцаря, возвращавшихся на родину, в германскую Саксонию. Их путь лежал из далеких земель Палестины, где они бились за освобождение Гроба Господня.

Один из них, по имени Андреас, безумно влюбился в юную госпожу. Отправив товарищей одних, он задержался в замке, совершив явное безрассудство: пришел к отцу Госпожи, и попросил у него руки единственной дочери.

Что мог ответить ему человек, чей род восходил к Вильгельму Завоевателю? Указать безумцу на то, что младший сын мелкопоместного саксонского дворянина не может претендовать на взаимность наследницы великого рода? Намекнуть, что жаркие пески Аравийской пустыни помутили рассудок храброго крестоносца?

Охваченная страстью душа не внемлет голосу рассудка. Андреас должен был смириться, уйти, но он привел самоубийственный довод: что значат титулы и земли в сравнении с честью воина и его чистыми чувствами?

При такой трактовке разрешить проблему сватовства мог только поединок.

Честь семьи по традиции защищал Самуэль – старший брат и наследник.

Против него у Андреаса не было абсолютно никаких шансов, но воин не дрогнул, не бежал темной ночью, изнывая от позора – он вышел на ристалище.

...

Самуэль никогда не пользовался щитом.

Его броней была сила, помноженная на опыт, да несокрушимый для врага двуручный меч, способный отразить любой удар не хуже чем иной щит.

Стоял стылый полдень. Снег только недавно покрыл замерзшую землю, и звук копыт отдавался звонким эхом над притихшей в ожидании поединка толпой.

Бой был коротким.

Два гнедых сорвались с места, стремительно неся своих хозяев навстречу друг другу.

Ярко сверкала прихваченная инеем сталь доспехов, Андреас, как и Самуэль, вооружился мечом, но не успел воспользоваться им: как только лошади поравнялись Самуэль первым нанес сокрушительный боковой удар, прорубивший шит Андреаса, и выбивший крестоносца из седла.

Толпа ахнула, глядя, как с лязгом рухнул на замерзшую землю заезжий рыцарь, завязки его шлема порвались, открывая бледное лицо. Силясь встать, он хватал ртом загустевший морозный воздух, а Самуэль уже был рядом, – его огромный меч резко пошел вверх, поймав скупой луч зимнего солнца, который вспыхнул алым, пройдя сквозь треугольный рубин, инкрустированный в рукоятку.

Казалось, еще секунда, и голова самонадеянного крестоносца отлетит прочь... но Самуэль поступил иначе: коротким движением вонзив клинок в стылую землю, он снял шлем, перчатку, и протянул руку поверженному противнику.

– Вставай сэр Андреас. Кровь доброго христианина не обагрит эту землю.

...

Ледяной пот выступил у меня на лбу.

Не в силах расслабить напряженные, сведенные судорогой мышцы я сидел, глядя на сверкающие лезвия, а перед глазами медленно таяли три образа – Андреаса, юной Хозяйки Хранителя и ее брата Самуэля.

Я узнал их.

...

Враги приближались со всех сторон. Они окружили Самуэля плотным кольцом, страшась переступить границу незримого круга, очерченную гудящим взмахом длинного двуручного меча.

Ощерившаяся разнородным вооружением *толпа*, которую неведомая сила согнала сюда, грубо играя на струнах алчности, самонадеянности, невежества... – именно так воспринимал эту орду Хранитель.

Они были грязными... не доведенными до отчаяния скудной жизнью, а именно грязными, как телом, так и помыслами. Доказательством тому являлся весь город, подвергшийся тяжкой волне бессмысленного, животного насилия.

Самуэль с презрением смотрел на толпу, хотя понимал, ему уже не вырваться из тесного круга, – некому прикрыть спину, силы на исходе, нет более надежды, в душе лишь клокочущая ярость, – отец мертв, сестра исчезла, а он даже не знает имени ВРАГА, что управлял этой ордой, нападая исподтишка, прячась от солнечного света, в котором мог быть узнан.

Хранитель четко воспринимал мысли Самуэля, но вот беда, тот не мог слышать его.

Четыре клинка пришли в стремительное вращательное движение.

В этот миг среди нестройной толпы раздался гортанный возглас, понукающий передние ряды атаковать. Ответом ему послужило стихийное движение тел в сопровождение рыка, исторгнутого из десятка глоток.

Самуэль не подался назад, напротив, он сделал шаг навстречу всколыхнувшейся толпе, и прежде чем та успела отпрянуть, меч описал низкий свистящий полукруг, подрубая ноги наиболее рьяным противникам.

Вопли боли и ужаса огласили стылую тишь погруженной в предрассветные сумерки площади.

Кровь хлестала из отрубленных конечностей, несколько тел выгибались в агонии, а те, что находились сзади, решили, что, наконец, настал их миг – Самуэлю пришлось припасть на одно колено, чтобы не потерять равновесие при сокрушительном ударе, и его спина представилась им беззащитной.

Зверье в человеческом обличье ошибалось.

Спину Самуэля теперь прикрывал Хранитель, и первый, кто посмел сделать шаг к воину, вдруг в ужасе подался назад, в последний миг перед смертью увидев, как воздух обретает форму и леденящий блеск стали.

Самуэль услышал за своей спиной звонкий удар и резко обернулся.

По снежной каше катилась голова.

Тело еще стояло на ногах, потом они подогнулись, и несостоявшийся убийца мешковато осел в лужу собственной крови.

Сбоку раздался яростный крик, с десяток врагов резко вытолкнуло вперед, и Самуэлю пришлось отвечать: направленный снизу вверх взмах меча разрубил подбородок опасно приблизившегося противника, и тут же, не останавливая инерции, он перевел удар в плоскость, одновременно разворачиваясь, вновь очерчивая смертельной круг, но теперь уже полный.

Сталь меча со звоном и хлюпаньем разрубала преграды скверных доспехов, добираясь до плоти, казалось, оружие рвется из рук, и нет сил, чтобы удержать его.

Резкая боль в боку, куда вскользь угодила шальная стрела, заставила Самуэля пошатнуться. Рана была не опасной, но от потери крови и постоянного напряжения звенело в ушах, а перед глазами периодически начинала плавать искрящаяся муть.

Вот и сейчас, восстанавливая равновесие после удара, он увидел, как искрится воздух, словно там промелькнули вращающиеся вокруг незримого центра клинки.

Он все еще пытался понять или отыскать глазами того, кто так вовремя обезглавил подкравшегося сзади противника, когда муть перед глазами рассеялась, и он теперь уже отчетливо увидел, как неведомая сила прореживает толпу, выбивая кровавые брызги из суматошно пытающихся уклониться тел.

Самуэль понял – это сам Создатель дает ему шанс. Чем кроме Божьей воли он мог объяснить неведомую силу, что на глазах рассеивала толпу, превращая стаю диких зверей в *стадо*, бестолково пытающееся избежать невидимой разящей наповал смерти?

Собрав все силы, Самуэль ринулся вперед.

Погибнуть на центральной площади города, когда точно знаешь, что отец мертв, а сестра загадочно исчезла, не честь для воина, а лишь злой рок.

Он молча прорубался сквозь охваченные паникой ряды захватчиков, не ради спасения свой жизни, но ради восстановления попранной чести.

Если он умрет, кто отыщет сестру, кто распознает истинного врага среди лживо скорбящих лиц?

Удар за ударом, на одном вдохе, не издавая не звука, он рубил, чувствуя, что рядом кто-то незримый крушит врагов, надежно закрывая его спину.

Через минуту враг дрогнул.

Тонкие панические ручейки устремились прочь от внушающей ужас площади, вливаясь в покрытые копотью улочки разоренного города.

Самуэль смог остановиться только когда понял, что перед ним распахнутые ворота родного города, а за ними, нетронутая белоснежная целина, словно навалившееся этой ночью сонмище не пришло по земле...

Скорее он ошибался, но сейчас не осталось сил, чтобы думать об этом.

Он выжил. Значит, выжили и другие. Нужно собрать уцелевших воинов, чтобы изгнать ополоумевших выродков из замка.

Самуэль стоял, тяжело дыша, опираясь двумя руками на меч, а его покрасневшие, ввалившиеся от горя глаза встречали первые, бледные краски робкого зимнего рассвета.

...

На площади, среди изрубленных тел, вонзившись в шлем предводителя рассеянной по городу орды, торчал обломок короткого клинка с кинжальной заточкой лезвия.

Физическое тело Хранителя не выдержало ярости безудержной схватки, – защищая спину Самуэля, он не смог сберечь своей оболочки, и теперь высоко над городом плыл туманный сгусток энергии, по своей форме напоминающий крест.

* * *

– Я знаю, Nebel, ты не погиб... – прошептал Андрей. – Ты долго искал свою Хозяйку, пока не иссякли силы, и тогда ты нашел себе новое физическое тело, верно? Где еще ты мог пережить века, если только не в кресте, под сводами храма?

Разжав тиски, он положил на ладонь остро отточенные лезвия.

Тепло металла перетекало в руку, свет играл в кровостоках отвечая: "Да".

Андрей спустился по изгибающейся лестнице, остановился у окна, взглянув на часы.

Приближался рассвет.

Морозный воздух за окном курился зыбкими полосами тумана.

В столовой тихо бормотал телевизор, Лана забыла выключить его, уходя спать.

...

Я подошел к кровати и долго смотрел на любимую.

Она спала.

Юная хозяйка Хранителя, родившаяся вновь спустя века. Я узнал ее,

мою безответную любовь, как узнал Самуэля, однажды протянувшего руку, безвестному воину креста.

Неисповедимы твои пути Создатель.

Мы спешим жить, не вникая в суть многих вещей, требуя неоспоримых доказательств твоего существования, и годы проходят мимо, безликие бездушные, полные мелочной суеты.

Я знал, с нами все будет иначе.

Утром я положу перед Ланой ее Хранителя, и с той секунды мы будем вместе открывать темные комнаты, скрывающиеся в глубине возрожденных душ.

Ничто не происходит просто так, без причины.

Если вновь рождены мы, значит возможно, где притаился и он, не найденный в прошлом враг.

Если это так, то кара не минует его.

Я еще раз взглянул на Лану и вернулся в столовую.

Nebel тускло сверкнул гранями, отражая свет своим новым физическим телом.

Я сел за стол, в задумчивости глядя на экран телевизора.

Работал второй канал. Передавали русскоязычную версию европейских новостей.

Я оцепенел, увидев знакомый пейзаж – темную полоску леса, заснеженное поле, далекие огни города, и католический храм на небольшом взгорке.

– Загадочное происшествие на днях взбудоражило военнослужащих базы Раммштайн, расположенной неподалеку от одноименного населенного пункта. Необычное явление для этого времени года, – густой туман практически парализовал движение воздушного и автомобильного транспорта. Как установили метеорологи, центр аномальной области расположен за окраиной города подле древней церкви. Неизвестно как долго еще продержится необычный для этих мест туман...

Круг замкнулся.